

Непролитые слезы появились в глазах Сяо Хон Е, и с тем, как она прикусила губу, она выглядела точно как кукла, которую бросил мир. Казалось, она вот-вот разобьется вдребезги, такая жалкая.

Цзин Юнь Чжао холодно улыбнулся:

— Скажите мне, её слова это действительно правда?

— Как кто-то, кто только знал, как клеветать против своей старшей сестры с тех пор, как она была молода, как кто-то, кто только знал, как подставить свою старшую сестру за неподобающее поведение, действительно ли можно доверять её словам?!

— Какое право вы имеете допрашивать меня, даже не проведя надлежащего расследования? Все, что вам нужно было сделать, это просто спросить еще одну горстку соседей, и вы бы узнали, что за человек Сяо Хон Е, но что вы решили сделать? В тот момент, когда вы слышали её вопросы, обращенные ко мне, вы словно слышали молитвы Матери Терезы, умирающей от желания немедленно продемонстрировать это всем. Вы действительно репортеры? Я думаю, что вы больше похожи на злодеев, которые получили деньги от других, чтобы нарочно придираться ко мне.

Цзин Юнь Чжао говорил непрерывно, без отдыха, практически заставляя репортеров краснеть от гнева.

Эта Сяо Хон Е на самом деле была такой распутной женщиной? Этого не может быть!

Но всё, что изображено на фотографиях, — правда!

Когда они пришли в дом семьи Сяо, Сяо Хон Е выглядела так, словно только что плакала, и выглядела довольно измученной. Тогда они не придали этому особого значения и только объяснили цель своего прихода. В конце концов, как только она услышала имя "Цзин Юнь Чжао", Сяо Хон Е снова заплакала. Только тогда они поняли, что Цзин Юнь Чжао действительно издевалась над ней.

Девушка выглядела очень нежной, как бы они на это ни смотрели, она не была похожа на плохого человека.

Более того, дело стало настолько распространенным, что о нем знали все домочадцы. Многие газеты и интернет-репортеры с нетерпением ждали сенсации. Вот почему они больше не издавали ни звука после того, как им удалось вырвать интервью у Сяо Хон Е.

Кому нравилось слышать похвалы о ком-то другом в такую эпоху? Более того, не то чтобы никто не ходил искать этих соседей, но не стоило сравнивать тех, кто выступал в поддержку, с теми, кто проклинал пользователей Сети.

Даже если они действительно заставят кого-то засвидетельствовать, что Цзин Юнь Чжао была не так плоха, как её изображали слухи, посторонние все равно не поверят этому наверняка.

С другой стороны, если бы она была дрянной личностью, то смогла бы привлечь к себе взгляды людей. Точно так же, как и сейчас, часть тех, кто окружал их, наблюдая за шумихой, были назойливыми интернет-пользователями. Они лично пришли сюда, чтобы поддержать пару Цзин!

Защита Цзин Юнь Чжао лишила репортера дара речи.

Слова, которые первоначально хотел произнести здоровяк, теперь превратились в беспорядок в его голове.

— Цзин Юнь Чжао, то есть ты хочешь сказать, что считаешь правильным разорвать отношения с семьей Сяо? — репортер, который заговорил первым, продолжал спрашивать, теперь уже немного виновато.

— Вот именно! — Цзин Юнь Чжао уверенно подняла голову и грудь, её голос был ясным и ярким, а поза-твердой, как металл.

— Но благодать за то, что они воспитали тебя, больше небес... — этот репортер снова подумал об этом в своем сердце и не смог удержаться, чтобы не заговорить снова.

Цзин Юнь Чжао усмехнулась и наклонилась, чтобы закатать штанины, обнажив колени:

— Ты знаешь, откуда у меня эти шрамы? Сяо Вэй Мин сбил меня с ног и поставил на колени на осколки стекла. Мне тогда не было и 10 лет.

— Тогда пол был полон моей крови. Я вообще не смел пошевелиться, потому что чувствовал, как всё стекло движется вместе в моей плоть при малейшем движении! Все вы не испытывали этого раньше!

— Если вы мне не верите, спросите моего соседа. Я лично убирала осколки стекла один за другим. После этого я испугалась, что стану инвалидом, поэтому тайком пошла к соседней тетушке, и она помогла мне применить какие-то лекарства. Она даже привела меня сделать укол.

Пока она говорила, Цзин Юнь Чжао засучила рукава.

— Ты можешь сказать, что эти шрамы оттого, что я хотела повеселиться и попала в беду. У меня нет свидетелей, поэтому у меня нет защиты, но как насчет этих?

— Раз, два, три... Семь - восемь сигаретных шрамов разной степени возраста. Конечно же, они не могут быть нанесены самой себе?

<http://tl.rulate.ru/book/4439/1292276>